

Андрей КОВРАЙСКИЙ

Родился в 1982 г. Окончил исторический факультет и аспирантуру ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

С 1999 г. редактирует художественно-публицистический альманах «Гамаюн».

С 2002 г. староста литературного объединения при ЯОО Союза писателей России. Публикуется в журналах «Юность», «Север», интернет-изданиях. Ведёт литературную страницу в газете «Северный край».

Лауреат и дипломант ряда литературных фестивалей и конкурсов. Участник Форумов молодых писателей России. Координатор

Межрегионального фестиваля современной поэзии «Логорифмы».

Работает в департаменте культуры Правительства Ярославской области.

Сад размышлений

Начало

Скрип двери с витражами, звуки органа.

На стол запрыгивает кот — невежа — и мешает писать. А, собственно, что писать?

Синей Земле (часть первая)

*Апофеозы обрушиваются на лужайки
в горах, где серафические кентаврессы про-
гуливаются между лавин...*

Артюр Рембо

...Мир всем мирам

И чтобы не было никаких, даже малейших, разрушений, ибо они могут отозваться громким эхом катастрофы по всей Вселенной...

Путь

Лесная, обновлённая поляна, высокая тёмно-зелёная острая трава. Начало всех дорог. Слышен разговор двух друзей, протискивающихся сквозь тучно растущие заросли рябины и волчьей ягоды.

— Мысль о доме — это для меня сейчас самое сильное средство оставаться спокойным. А для тебя?

— Несомненно. Выйдем на опушку и пошагаем влево, к дому.

— Что ты! Не пойму. Дом наш в другой стороне. Он, если смотреть по солнцу, на западе, то есть нужно двигаться правее...

Они вышли на поляну под пение какой-то сказочной птицы.

— Какая же здесь благодать! Господи, сохрани этот миг для меня.

— Пойдём, молитвы после! Нам надо добраться, пока ещё светло. Слышишь?

Второй не сходил с места. Поднял голову к небу — и, будто ребёнок, заплакал...

Утро детства

Хаотичный ручей мыслей, одетый в сияние радуги, и морской берег, шагнувший в страну горьких слёз, прикасающийся к мельнице бытия. Владелец лодки, несущей необъяснимые начала...

Есть духи в лесу, есть озеро, заросшее камышом!

...Подобен тропе и шёлковому полотну. Обласканный цветочными подарками, пытающийся унять суровость. И не знающий великанов, но говорящий на языке утихающего огня.

Его терем держится на бесконечных звёздных нитях...

Кто сплёл их? Кто поймал мироздание в столь прелестную паутину? Есть ли хоть крохотная возможность из неё вырваться? И стоит ли? И что будет тогда?

Он появился, теперь ему нужно идти в серый, хмурый город. И ему нельзя попасться на глаза слепцам...

Мосты

До Всемирного потопа, во время и после него люди всегда возводили мосты.

Правый и левый берег. Плоскость ответов: «Да» и «Нет». Река — бездна. Но над ней спасение — зеркальный, упирающийся в недостижимое бледное небо мост.

А что именно он собой представляет? Продукт ржавого труда, или светлой мысли, или ещё чего-то более кудрявого?

На этот нелепейший вопрос, к сожалению, всё многоликое, ворчащее человечество не может ответить, как не может ответить на другие элементарнейшие вопросы.

Первые назовут мост золотой нитью (а может, ещё хуже, струной) и будут клясться, что слышат музыку.

Вторые скажут, что мост есть «сооружение, по которому проложена дорога».

Третьи вовсе будут доказывать, что эта наша почему-то убогая жизнь, и самое позорительное — они это докажут.

Нет. Неважно.

Я иду по нему, что уже хорошо. Позади иссохший лист «Нет». Впереди палящее «Да». Во мне гуляет ветер. Проглатываю планктон — снежинки.
Шаг. След. Шаг. След...
Ох уж эта система «вечных вопросов» — локомотив, эволюция, мост.

Воды Океана (часть вторая)

Равно ли?

Большой дом стоял в глубине большой улицы. К большой двери вела большая лестница, а за ней — маленький человек.

Маленький дом стоял в глубине маленькой улицы. К маленькой двери вела маленькая лестница. А за ней — большой человек.

Человек

Ты ли это?
Ты ли тот, кто рушит чужие селенья?
Ты ли тот, кто не уважает старших?
Ты ли тот, кто изводит рассудок?
Ты ли тот, кто предал собственную память?
Ты ли тот, кто бессилён созерцать?
Нет?!

Мечта

Её румянец на лице, цветок улыбки и глаза... В которых не грех утонуть!
...Её глаза, цветок улыбки, её румянец на лице.

Сила

Птица, твой полёт!
Зачем так смотришь, знаешь... Но ни слова!
Колокола гремят, и люди на гору идут во тьме, чтоб умереть.
Ты отпускаешь мою руку.
Рвём на части! А память — как волна...
Не оборачиваясь — в путь! Ведь лёд уже давно растаял...

Дух

Он — великий воин, ему не страшны вопли изворотливых животных. С ним мудрость!
Престол — беспредельность...

Пейзаж: высокий острозубый берег, одинаковое море и небо, волны и облака — нет горизонта!

Обжигают тело порывы ветра.

Новая ступень

Заблуждается тот, кто называет себя святым, обманываются и говорящие, что они постигли...

Человек просто нагло успокаивает себя этими словами, закрывается бумажным щитом, стараясь спрятаться от собственной дури...

Человек — собиратель подлинных секретов... Учений не счесть, но истина есть.

Собиратели.

Солнечному небу (часть третья)

Ветер

Стук. Окно, за ним идёт снег. А здесь тишина — оглушающая тишина. Пишу. Там раскаты концерта природы. А здесь — нет: мысль бессильна. Что же тогда?

Стук. Окно, за ним идёт снег. А здесь свет не живой, капают зёрна воды. Играет, играет. Что? Ветер. Там он гонит снежинки — здесь он гонит жизнь. Ветер.

Зимнее эхо

В бездыханности льда смыкается движение воды, направленное к небу.

— Замри!

Молчит сердце воды.

Отражение?

Но кинешь комок крепких и горячих слов — царство кристалла затрещит и ответит крохотными каплями Источника.

— Отомри!

Врата чувств

Тихий взмах разговора я пытаюсь догнать.

У тебя на листе тонкие чёрточки света, а сама ты — улыбка облачка уст.

Я прошу, просто обернись на секунду и «ударься» в меня.

Филигранный мрамор мешает: разбить!

Над нами овалы диски и медные прутья рифмованной ночи. Твои тонкие кисти рисуют цветы.

И — свершилось: я поймал твой взгляд с хитрецей! Тут же вспыхнуло пламя...

Мы с тобой уже на горе, где огромное небо водопадом спускается в рощу, где родная заря вечерами чувствует наше дыхание, где жёлто-светлый образ Луны из серебряной ванны шлёт привет.

А мы только смеёмся и любим друг друга.

Огненно (часть четвёртая)

На пути

Поле, тропа, поворот, спускаюсь.

Люди стоят с бочками, грубыми вёдрами. Плачет чей-то ребёнок.

А что здесь? В низкорослых подушках плакучих ив — родник, вытекающий прямо из-под твёрдой земли.

Право же, чудо: чистая, прозрачная струйка, бормоча на неведомом языке, спускается прямо в руки!

Наберу с собой воды и пойду по густо заросшему берегу реки, в которую впадает этот родник. Она — старшая сестра — держит бережно его за руку.

Романтика Красоты

Вчера в гости прилетел ко мне ветер — давнишний друг.

Вот была забава плавать при лёгком шторме на стареньком диване. Волны (точнее сказать, завесы) так и хотели потопить мой ветхий корабль и утащить за собой...

Когда же стихло, стало спокойно — на полотне выдуманного моря начала вырисовываться настоящая лунная дорожка. Она окрасила комнату в сиреневый, приятный цвет ночи. А «крейсер» лёг в дрейф.

Вдруг я заметил, что за моей игрой образов наблюдает звезда. Протянул к ней руку и поздоровался с ней. Мне показалось, что она от смущения стала гореть ещё ярче...

Не знаю, услышала она меня или нет, но знаю, что всё это не случайно: и лёгкий шторм, и игра с ветром, и эти слова...

Ответ друзьям

Мне улыбнулась застенчивая аллея, укутанная восточным, пугливым дымком. Идя по ней, я чуть не упал, запнувшись о кудри корней, — нужно будет почистить тропу.

А шахматные клумбы? Их сила, на мой взгляд, в полётах-прыжках неугомонных пчёл-трудяг.

Около пруда — храм любви — беседка. Там нет места для маскарадных отношений. Там Она...

Поднявшись на вершину холма, увидел, как вдалеке, за полями, бушует гроза: громада серой тучи повисла над горизонтом, то и дело выпуская тонкие язычки молний. Хорошо, если эта буря хоть и дойдёт до нас, но только в виде летнего, солнечного дождика...

Смотрите-ка: крохотный паучок (серебро его — сетка) запутался.

Показалось?

Красота Памяти

Когда я лежал в безвременье и мимо меня проплывали белые облака с золотыми отливами (они были освещены лучами-вольнодумцами), я вспоминал, как приятно было играть вместе с горизонтом разноцветными камушками, как подкидывали мы их кверху

и как они глухо падали в песок. Я вспоминал, как разбивались волны океана о скалистый и крутой берег. Я вспоминал цветение шиповника...

Да, это было. Память.

Озарение

Солнечные люди, с вами ли музы? Сонаты уже играют в фиолетовом небе — слышите?

Кап-кап — вздрагивает земная тональность. Мимо неё проносится бенгальский вихрь, уносящий всё злое и недосказанное. Холмы, а может быть, весёлые старцы уважительно кланяются вам.

...Какая смешная кудряшка у леса...

А путь ждёт. Путь гармонии.

...Продолжаем любоваться мистическим пейзажем — тоже мне кривая античная арка или упавшая звезда. Ну, Бог с ним!..

...Закрою глаза и услышу Её голос, прочту Ей огненно-мягкий стих...

Прочь, сухая листва, при всём твоём великолепии — прочь!

...Она сильна...

...Вернёмся. Открыть двери и окна и впустить необъятное. И пусть зависть растворится в найденных лучах счастья. Да! Сделать шаг, крохотный шажок. Ведь нужен разбег для полёта...

И вот подхватили нас лебеди — бесконечные горизонты озарений!

Без имени

(часть пятая, и не последняя)

И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой.

Побеждающий наследует всё, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном...

Откровение Иоанна Богослова

Старая сказка

Драгоценный блеск далёкой страны. Короли там шумят и балагурят. Их декорации очень жестоки.

Герцог — сын герцога. Высокий молодой человек, всей душой любящий... уважающий своё государство.

Свирепый философ и логик — пытается обучить его западной грамоте — вот чудак! Слуга же, монгол, напротив, твердит о востоке... Как обычны эти два образа и как они вечны!

Деревья. Дрожание листьев.

Сам он хотел видеть только Истину.

Красавицы, знавшие его, становились безумными. Обман и Герцог — навсегда враги!

Цельность мира молчит при виде его на коне, буйство народа прекращается по его жесту — удар пальца.

Наступило время.

Он Воин, он Победитель, он Властелин, но кого? Уже мудрый правитель. Он не стар, но честь теперь относительна.

Элегантность познания и метаморфозность истории сотрут пылинки с неважных деталей. Его флаг — двухцветный. Двойственность и коварство.

Что же выше его изумительной славы — всё?! И обычные дороги песка, и до сияния чистые размашистые степи, и сила весеннего утра, и любая точка неба, любая нота мировой оперы!

...Смирение битвы.

Ему есть оправдание — он Любит!

Боги: Меркурий, Венера, Мать, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Плутон... — и Мессия хором приветствуют его правду.

Правду!

Герцог — человек, и формулы наши, верно, не правы.

Музыка, тихая спокойная музыка сфер в лёгких облаках: «Я вас люблю. Вы слышите? Прошу, станьте моей Королевой. Ваш голос растопил Арктику и Антарктику. Его услышал я сердцем. Мы флейта и скрипка, сонет и рондо. Я вас люблю».

Армады звуков вздымаются к вершинам. И среди них — голос жизни — Его и Её.

Божественное

И видел я вещий сон.

Свет разрезал тьму и осветил Её — Ту, что не как все. Другая. Вещи растворились, остались только мы. Протянули друг другу руки и сказали, что Любим.

Прочёл свой стих. Она засмеялась и легко завальсировала по комнате, превращая её в летнюю поляну. Я же не отпускал Её и смотрел в Её глаза. Тут же нарисовал в воздухе, как кисточкой, рукой цветок — подарил его Ей и... Поцеловал.

Тотчас проснулся...

Зеркало

На краю селения высился дом. Он был ограждён серым забором, за которым располагался сад. И именно этот сад заключал в себе какую-то таинственность. Его молодость на фоне окружающей дряхлости была удивительна.

Неподалёку от ворот лежала чердачная оконная рама круглой формы. Не знаю, почему я обратил на неё внимание, но что-то в ней было...

Заглянув внутрь, увидел его... Он мирно поливал лейкой кусты клубники.

Так, постояв, отягощённый знанием, я зашагал прочь.

Послесловие

...Взмах крыла бабочки и сложный её полёт...

Главное, чтобы это было кому-то нужно.

Дай Бог... Дай Бог!